

“ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД”

(Об одном стихотворении Н. Рубцова)

Письма Николая Рубцова к русскому поэту Александру Яшину очень подробны. Так пишут обыкновенно адресату, от которого ждут ценных, важных для жизни и творчества советов. К сожалению, многие письма Яшина к Рубцову не найдены. Тогда можно бы более определенно сказать, какого рода советы давал Яшин своему товарищу по поэтическому поприщу.

Из писем же Рубцова очевидно, что Яшин для него был больше, чем просто старший товарищ. Видимо, со стороны Рубцова это шло от того времени, когда Яшин принял заметное участие в судьбе поэта-земляка, начинающего осваивать московские литературные круги. Александр Яковлевич - чуткий к подлинным талантам, похоже, почти сразу увидел в Рубцове незаурядного поэта русской национальной словесности.

Хорошо известен тот факт, что Николай Рубцов посвятил Яшину свое стихотворение “Осенние этюды”. Куда девалось это посвящение в книжных публикациях, пока не ясно. Может быть, это произвол редактора. Видимо, истину тут надо установить, чтобы соблюсти волю поэта.

Совсем другое дело со стихотворением “Последний пароход!”. Оно уже посвящено памяти А. Яшина, умершего от рака в 68-м году. И без такого посвящения, как представляется теряет всякий смысл.

“Последний пароход”, на наш взгляд, достаточно трудно отнести к лучшим стихам “позднего Рубцова. И это признается многими. Оно поэтично лишь по формальным признакам, но лишено все-таки многообразия смысловых оттенков, метафорической глубины, воплощения, композиционного своеобразия, какие есть в лучших стихах поэта. Вспомним его начало:

*...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...*

И отточие в начале строфы, и многоточие в конце - это пунктуация Рубцова. Поэт как бы начал с середины какую-то мысль, потом набросал знакомый пейзаж, но тут же и оставил его. Может быть, его не удовлетворила интонация, взятая для зачина: слишком уж торжественно, патетично что ли. Рубцов таких интонаций всегда избегал.

И он сразу переходит к конкретности, почти репортажу. Материалом для него служит вполне известный случай. Речь идет о поездке группы писателей-вологжан по Волго-Балту в августе 67-го года. Отметим два образных ряда. В центре первого - "он", без упоминания имени. Он - "большой", "написавший столько мудрых книжек", "глазами грустными смеялся", "больной, скрывая свой недуг", "всерьез о чем-то говоря", "смотрел на нас, как на мальчишек"... Второй образный ряд намного проще. Он обозначен местоимением - "мы". А это все остальные, кто тогда плыл на теплоходе. А что делают "мы"? "Смеялся, ходили мы по пароходу" да "таскали окунишек". И все, пожалуй. Заметим, как мало сказано о "нас", но как много, подробно - о "нем".

Не будь посвящения к "Последнему пароходу", читателю пришлось бы угадывать: о ком, собственно, идет речь. Ясно, что это конкретное лицо, писатель или поэт. Но не будь посвящения - угадать его было бы трудно. Просто нужна была бы сноска, что в центре внимания Рубцова - Александр Яшин, русский советский поэт 30-х - 60-х годов.

Но очевиден и вопрос: отчего Рубцов не решился или не захотел написать стихотворение о своих личных переживаниях, вызванных смертью старшего товарища? Например, в стихотворении "Памяти Анциферова", Н. Рубцов своего "я" не скрывает. А тут "спрятался" за "мы"... Нельзя ведь представить, что ему показалось важным и нужным выразить общее чувство всех, кто знал Яшина. Это в сущности невозможное. А такой тонкий, яркий лирик, как Рубцов, конечно, это понимал еще глубже.

У большого поэта не бывает случайных недоговоренностей. И если Рубцов в данном случае поступил так, то на это причины. Какие? А вот это и есть загадка, которую предстоит понять...